

Злата Реут

Кукушкин лён

Злата Реут
Кукушкин лён

«Автор»

2026

Реут 3.

Кукушкин лён / 3. Реут — «Автор», 2026

Проходя мимо магазина сладостей Агата решает войти и погружается в мир обёрток из своего детства. Девяностые годы давно миновали, но не воспоминания о детстве проведённом в селе Кукушкин лён. Женщина покупает билет на самолёт и отправляется в мир ностальгических воспоминаний, где её встречает подруга. Поезда принимает неожиданный оборот, когда в одном из домов находят останки трёх человек. Двое из них погибли, когда Агата ещё жила в селе.

Содержание

1 Ассорти воспоминаний	5
2 Медузы вместо геля для волос	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Злата Реут

Кукушкин лён

1 Ассорти воспоминаний

Воротник от плаща ритмично бил меня по лицу. Я шла сквозь шквалистый ветер и задавалась резонным вопросом: почему вообще вышла из дома? Жадность. Оплатить годовой абонемент в спортзал было ошибкой, а пробираться сквозь стихию лишь следствие опрометчивого решения. Благо путь от дома до спортзала не долгий. Я зашла в торговый центр, на третьем этаже которого располагался тренажёрный зал. В начале своего спортивного пути я поднималась по лестнице, чтобы доказать себе – я не лентяйка! Пользоваться лифтом по пути в зал, мне казалось нелепым. Лестницы всегда была пустая и располагалась в отдельном проеме. Нужно было открыть тяжёлую дверь и вот ты уже в уютковатом тамбуре, где вечером была крошечная тьма. Освещение было лишь за счет окон и не страшно было только летом. Однажды, спускаясь я услышала громкие крики парня и девушки, для которых лестница стала идеальным местом для выяснения отношений. Проходя мимо оба, посмотрели на тебя так, словно ты бесцеремонно вторглась к ним на кухню. С тех пор я пользовалась лифтом. По пути к подъёмнику моё внимание привлёк новый магазин, которого ранее на этом месте не было. Ещё пару дней назад там располагался магазин кроссов. Каждый раз, когда я проходила мимо, посетителей там не было, лишь продавец, что строил ферму в своём телефоне.

Новая и яркая вывеска «сладости из детства» разожгла во мне любопытство и заставила войти, немного осмотреться. Детство у всех разное. Кто-то любил грызть сухой кисель и конфеты раковые шейки, а кого-то и чизкейком уже не удивить. Я, будучи сладкоежкой, перепробовала множество десертов. Был и кисель, и карамельки и леденцы из растопленного сахара, вылитого застывать в нержавеющие столовые ложки. Было очень удобно слизывать леденец держа в руке столовый прибор, но сердце забилося сильнее, когда на меня смотрели такие дорогие моему детству новомодные обёртки. Синяя и красная продолговатая упаковка с нарисованной крытой повозкой, что везли лошади. Внутри пряталось вкуснейшее печенье вагонвилс, которое мне покупали родители, когда в село стали завозить импортный товар. Пористый шоколад Виспа, и вафли куку-руку вскружили мне голову.

Я набрала полную корзину сладостей и пошла домой напроць забыв о спорте. Жадность я удовлетворила покупкой лакомств и до абонемента уже не было дела. Вспомнилась мне наша сельская коммерсантка, дружбу с которой водили мои родители. Именно благодаря ей импортные сладости не проходили мимо меня. Товары сметались с полок молниеносно. Звали её Грабкина Светлана Мироновна и она была частым гостем у нас дома. Звонкий смех, густые кудрявые волосы, ямочки на щеках, корпулентное телосложение вкупе с постоянными коробками со сладостями в её руках навсегда оставили тёплый образ в моей голове.

Сидя на кухне я счастливая доедала купленные шоколадки и мне вспомнилось детство в мельчайших деталях. Шуршащие обёртки от конфет и шоколада, которые я разглаживала и убираала в книги, затем, доставала ровненькие фантики и аккуратно складывала в жестяную прямоугольную банку. Каждая съеденная шоколадка в детстве была праздником, а сейчас я думаю, что нужно почистить зубы, так как стоматолог обойдётся дорого.

Через месяц у меня запланирован отпуск, но я ещё не знала как проведу его. Денег немного и вариантов было два: остаться дома или поехать на местную базу отдыха. Третья идея появилась спонтанно, и вот я уже открыла ноутбук и ишу билеты, чтобы улететь в родное село - Кукушкин лён. Вполне бюджетная поездка и меня давно уже зазывала в родные края

подруга детства. Смена обстановки пойдет на пользу. Мой муж родом из небольшого городка с населением почти пятьдесят семь тысяч жителей и в прошлом году мы ездили туда вдвоём. Отпуска у нас совпадали редко и когда выпала возможность совместной поездки он предложил отправиться в мир его детства. Идея показалась мне отличной! Мы тогда прекрасно провели время, бродя по лабиринтам его ребяческих лет. Настала и моя пора окунуться в своё детство.

Странное чувство, снова туда вернуться. Будто прочитанная мною книга хотела, чтобы я вновь перечитала её и нашла упущенные ранее строки и смыслы. Мне захотелось снова того прекрасного беззаботного мгновения под названием детство. Я написала сообщение той самой подруге, которую знаю с пяти лет. Её зовут Шмелёва Светлана. Она осталась жить в селе, но часто приезжала в город, и мы всегда виделись. Дел у неё в городе была масса, но она находила время для встреч. Конечно, город не село, и приезжая на большую землю ей хотелось сходить в парикмахерскую, купить подарки родителям, сводить детей в зоопарк, а главное проверить здоровье всей семьи у городских докторов.

Мы проговорили около часа, и она обрадовалась, что я решилась приехать. Она даже поверила то не сразу! Каждый год она приглашала меня в село, но я находила отговорки не ехать. Мне казалось пустой тратой времени посещать место, где ты вырос и откуда хотел бежать в так называемый «большой мир».

Месяц ожидания отпуска пролетел быстро, и я собираю чемодан, чтобы отправиться в мир, которого уже не существует. Завтра уже буду в месте, где родилась, и которое игнорировала много лет. Мне не хотелось возвращаться в провинциальную тоскливую жизнь, именно так я считала. Просыпаться под петушиный крик, слушать диалоги об урожае и терпеть расспросы о том, как у меня сложилась жизнь вне села. Покинула я Кукушкин лён в семнадцать лет, сразу как окончила одиннадцатый класс. Мне было семнадцать лет, и я сидела в самолете, готовясь ко взлету прощалась с пожелтевшими деревьями и лесом, который по волшебству защищал нас от дождя под кронами могучих сосен и угощал сладкой черникой.

Небольшое сибирское поселение с чуть менее тремя тысячами жителей, на сегодняшний день. Когда уезжала более двадцати лет назад проживало больше четырёх тысяч. Умирает провинция. Суровые климатические условия, заоблачные цены заставляют людей искать более перспективные места для жизни. Последний мой визит состоялся в две тысячи одиннадцатом году, когда приезжала на похороны отца. Но я плохо помню ту поездку, всё как в тумане или сне, от которого хотелось проснуться.

В этот раз поездка планируется сентиментальная. Со Светкой мы планируем обойти все места, что много значили для нас. Погрузимся в воспоминания, что греют душу спустя столько лет. Улица, на которой мы жили носила поэтичное название: «Болотный янтарь». Назвали улицу, в честь ягоды морошка, что росла в наших краях. Морс с кислинкой спасал меня от простуды. По крайней мере, по мнению родителей. Их видения медицины сейчас кажутся мне архаичным. Я дышала над картошкой, моё тело горело от горчичников, на спине были бурые круги от стеклянных банок, когда отец или мать подобно факирам накалял их огнем и шлёпал мне на спину. По задумке они вытягивали вирус или бактерии. Вкус рыбьего жира тоже мне был знаком, и не в желатиновой оболочке, но вернёмся к улице со вкусом морса, она была небольшой, всего двенадцать домов. Шесть деревянных одноэтажных домов на три квартиры с одной стороны и шесть с другой.

Микрорайон наш назывался Глухарёво, что стоял особняком от остальной части села. Далеко было и до школы, и до больницы, зато был один магазин, лесопилка и котельная.

Век жизни для человека – целая эпоха полная пережитых событий, лишений и находок. Век жизни для села – лишь миг. Столетний юбилей села так же приходится на мою поездку, о чём я узнала уже после покупки билетов. Вероятно, встречу там много людей из прошлого, которые, как и я сильно изменились с годами.

Смотрю на гору вещей и не знаю, что брать в поездку, а что оставить дома. Шрам над моим коленом на правой ноге заныл. Такое часто бывало на смену погоды, и я погладила выпуклый кусок давно зажившей плоти. Я не могла вспомнить, как получила это ранение, но сколько себя помню шрам всегда был и демонстрировал моё бесстрашие, глупость или банальную невнимательность. Склонялась я к первому варианту, если и не помню откуда ранение, то могу догадаться, ведь это было в детстве, когда я была смелая и неустрашимая. Глядя на белую полоску на коже, я осознавала, что пережила сильную боль и даже не помню этого.

Что же бросить с собой в сумку? Воспоминания родителей о моем детском гардеробе, вызвали улыбку на моём лице. Отец всегда покупал мне спортивные костюмы, куртки бомбер с резинкой, удобные кроссовки. Однажды осенью, когда я носила шапку, ничто во мне не выдавало женский пол. Мы тогда гуляли с той самой подругой, к которой я еду и заметили пожилого мужчину, что работал на лесопилке. Я его знала лишь как человека, что ходит на работу, проходя наш дом. Знала, что у него супруга круглый год ходит в тёплой куртке и его взрослый сын все время ездит на мотоцикле. Мужчина подозвал нас к себе.

- Мальчик, а магазин то открыт сегодня, не в курсе? – обратился он ко мне, так как Светка отвернулась в другую сторону, отвлекаясь на пса по кличке Боб, который подбежал к ней и обвил её ноги.

- Я не мальчик! – обиженно заявила я, поправляя шапку.

- Ну прости, ты мужжик! – прожужжал он, будто бы меня обидело слово мальчик.

- Сегодня магазин не работает, - сказала Света, видя, как я побагровела от злости. Она схватила меня за рукав и повела в сторону ручья, к которому мы и направлялись. Слезы хлынули, когда мы уже отошли от этого бестактного столяра. Те, кто меня не знал, обязательно обращались ко мне как: мальчик или пацан. Возможно, это была заслуга моего отца, который считал, что одежда должна быть практичной и износостойкой. Перед покупкой он каждый раз снимал очки, внимательно разглядывал швы, молнии и прочую фурнитуру и резюмировал: «этой куртке сноса не будет!». Это всегда значило одно – покупаем.

В отличие от отца, мать считала, что девочка должна одеваться изящно и красиво. Она покупала мне юбки, платья, и сарафаны. Иногда мать перегибала. Особенно мне запомнились изящные осенние полуботинки будто бы из сказки. Черные, на маленьком каблучке и сверху обшитые мягкими птичьими перьями. Я шла, а перья плавно колебались от ветра. Помню склоку родителей в магазине, касаясь моего гардероба.

- Давай купим это пальто? – спросила отца мать, трогая на ощупь шерстяное двубортное детское пальто ядовито-канареечного цвета.

- Зачем? Как она будет в нём через забор сигать? В ней я не сомневаюсь, но она же порвёт его, или смолой измажет. Да и маскировка будет провалена, вдруг они со Светкой на слежку отправятся. Лучше куртку эту взять, – ответил отец показывая на болоньевую куртку цвета хаки с капюшоном.

Тогда мать молчаливо закатила глаза и всё же купила пальто. Сибирское село в межсезонье место полное грязи и луж. Я помню, как гордая мать застегивала мне крупные пуговицы на пальто, отправляя гулять. Обувь по погоде – резиновые сапоги. Я вышла во двор и тут же вприпрыжку побежала к луже. По ночам уже расползались заморозки, но тогда меня это не интересовало. Я пошла по луже, которая по щиколотку скрывала в мутной воде сапоги. Дно импровизированного водоёма заледенено, что вкупе с резиновой подошвой сапог послужила курьёзом следующих нескольких секунд. Я поскользнулась, и как могла, старалась держать баланс, но рухнула на спину прямо в лужу. Холодная вода волной окотила меня, попав даже в нос, я старалась выдыхать грязную воду из носа, но понимала, что больше похожу на чихающего пса Бобку, которому в нос попала пыль. Встала я вся мокрая. С пальто канареечного цвета стекала грязная вода. Я грустная, побрела домой переодеться в старую куртку, которую

и хотели заменить на пальто. Сердце матери разбито, но она отстирала попку, и я иногда надевала пальто исключительно на выход.

Та история напомнила мне кто я есть спустя много лет. Красивые и изящные платья висели у меня в гардеробе, но джинсы и рубашки стали моей повседневностью. На работе форма одежды была на усмотрение и совесть трудящегося. Клиентов в офисе мы не встречали. Трудилась я на крупного туроператора и обрабатывала заявки, которые заводили агентства, работая напрямую с туристами. Я кинула в чемодан три пары джинсов, три рубашки и один свитер, а потом легла на диван и стала вспоминать былое. Я помнила, как билось сердце, когда мы катились на велосипеде с крутой горки, помнила, как очищала надоедливый репейник со штанов и вкус кислинки от хвои лиственницы во рту.

Детство прекрасная пора, особенно мне запомнилось лето девяносто седьмого года. В преддверье Ивана Купала всегда наступала ночь творила. Сердце билось от предстоящего авантюрного приключения.

В детстве я обожала ночь творила, которая принадлежала лишь мне. Взрослые не участвовали, они и не знали о том, что мы творим. Впрочем, в одиночку я никогда не шлодила. Партнером в преступлении выступала старшая сестра. Светка была слишком хорошей, чтобы такое проворачивать. В эту ночь дети не спали, а следовали из своего двора в соседний огород. Мы рвали там огурцы, помидоры и ягоду, пока хозяева мирно спали, не подозревая о том, в какой опасности их овощи. Затем мы быстро шли в свой собственный огород, чтобы затаявшись сидеть в теплице. Мы ожидали детей из другого двора в наш собственный огород с теми же грабительскими целями. Ограбить чужой и защитить свой, такая миссия господствовала в ту ночь и ни чей огород не был в безопасности. Много мы не рвали, лишь то, что могли сразу съесть. Из своего огорода мы ели обычные огурцы, а из чужого это был сладкий трофей. На следующий день нагоняев от взрослых не последовало, ведь никто и не замечал пропажи. Однажды я получила в «подарок» от огородного вора фонарик. Я сидела в теплице, за кустом помидор, и слышала шёпот за другой стороной плёнки, которой обтянуты парники и теплицы. Небольшая точка света следовала за шёпотом. Я одна охраняла угоды в тот день, сестра пошла спать. Дверь теплицы плавно и медленно открылась, в этот момент я закричала, что есть сил, будто бы обезьяна-ревун. Злоумышленники не на шутку испугались, а один издал истошный сдавленный визг, затем пустились в бега, выронив фонарик. Я так и не поняла, кем была эта преступная группировка. После этой безоговорочной победы я гордо побродила по огороду с фонариком, будто бы с огненным факелом, символом моего триумфа. Я отстояла хозяйство в одиночку. Родители, конечно, потом задавали много вопросов о появившемся из ниоткуда фонаре. Ответ «нашла на улице» их почему-то не устраивал. Но, как и огород, я отстояла и трофей.

После ночи творила наступал день Ивана Купала. В тот год даже шестнадцать градусов тепла не мешали нам активно обливаться из самодельных брызгалок в сибирском селе. Оружие у всех одно и то же, но модернизировано по-разному. Литровые пластиковые бутылки из-под газировки Тархун наполнены водой, что сочилась через отверстие в крышке, сделанного гвоздём. Мальчишки прикручивали к крышке корпус авторучки, для дальности и точности попадания холодной струи в неприятеля. Местом водного побоища стала территория местной котельной с полуразобранными деревянными зданиями, в которых пахло моторным маслом. В тот день я пряталась за ржавым Уаз-452 в народе известной как таблетка или буханка. На мне были шорты и футболка с персонажами какого-то мультика. Сверху прозрачный дождевик, который не выполнял свою функцию, не сегодня. Эта деталь гардероба рассчитана лишь на дождь, а не на водную войну, которая настигает тебя со всех сторон. Куплен дождевик довольно давно, и я его раньше использовала иначе. Мы ездили семьей на лодке на так называемую песчаную речную косу, и я садилась по пояс в воду в этом дождевике. Я старалась не шевелиться. Гальяны и пескари заплывали под дождевик, и я могла их внимательно рассмотреть.

Рыбы плавало вокруг много, они заплывали в ловушку, а выбраться уже не могли. Потом я вставала, вдоволь насмотревшись на речных жителей, и они уплывали. Что ж, больше дождевик не послужит предметом наблюдения за рыбами. Этот Иван Купала стал последним в жизни этого незатейливого плаща.

На этом побоище угроза не только брызгалки, но и варвары с эмалированными и пластиковыми ведрами. Я стояла на прочь промокшая и наблюдала за пауком, что кропотливо вил паутину над моей головой в заброшенном микроавтобусе и не знала, что хуже - если насекомое упадёт мне за шиворот, или быть сотый раз облитой водой. Я стала незаметно красться к другому укрытию - деревянному забору. Быстрым и уверенным шагом я незаметно двигалась к ограждению, стараясь не наступать на ветки, что могли выдать меня. Вот я уже стояла, прислонившись к забору, и считала себя победителем. Незаметно проскользнуть среди толпы неприятелей стало для меня чистой победой. Это состояние продлилось не долго, так как на заборе стоял варвар Васька с тем самым ведром воды, содержимое которого обрушилось на меня, затекая холодным потоком под дождевик. Руки его не выдержали и ведро упало мне на голову, благо оно оказалось пластиковым. Я переводила дух под гомерический смех прыткого мальчишки. Васька был самым младшим и мог забраться куда угодно. Меня уже трясло от холода, а он паясничал и передразнивал меня, что ж, победителей не судят.

Шмелёва Светка та подруга, что была моим верным спутником всё детство. Девочка со светлыми пепельными волосами и серыми глазами. Она всегда так заразительно смеялась, что невозможно не засмеяться в ответ, а яркие и серые глаза излучали весь спектр цветов. Если охарактеризовать Свету одним словом я бы выбрала – добрая. Сейчас никто не верит ни в добро, ни в зло, считая, что это слишком категоричные понятия, и вообще искусственно созданные термины для манипуляций. Мы, взрослые, ещё любим добавлять: «смотря с какой стороны посмотреть». С какой не смотри, а Шмелёва была сама доброта. Она подошла ко мне, обняла за плечи и сказала, что нам пора по домам, иначе мы заболеем. Не просто добрая, а ещё и глас разума. Наши друзья не собирались расходиться и искали, где бы пополнить запасы воды. В эту минуту из котельной как из берлоги, выбрался суровый мужчина в спецодежде с папиросой во рту. Это был Матвей Тимофеевич, но мы его называли дядя дема и он работал сторожем в котельной. Настоящее его имя Матвей Тимофеевич по фамилии Никогда. Он охотился на медведей ради шкуры, ведь косолапых почти никто не ел из-за паразитов в их организме. Работал сто лет на одном месте и постоянно рывкал на нас. Его жена Татьяна Андреевна Никогда трудилась учителем алгебры в школе. В сердцах могла сказать моему не самому смыслённому однокласснику: «будешь двойки получать пойдёшь в котельную работать!».

- Идите прочь! Тут вам не место для игр! А то головы свои бестолковые свернёте, не дай бог! – крикнул он, глядя на доски с торчащими ржавыми гвоздями, что хаотично разбросаны по территории, детали от разобранной машины и прочие неопознанные мной тяжелые предметы. На его груди висели очки, привязанные веревкой за душки. Я смотрела на него и удивлялась его способности говорить, не роняя папиросу, которая кажется напрочь приклеена к губе. Руки Матвей Тимофеевич всегда держал в карманах брюк. Мы вынуждены внемлить его просьбе, так как шутником он не был, и мог запустить что под руку попадётся. Прецеденты случались и все его боялись. Строгий взгляд человека, что шёл по улице с огромным медвежьим капканом вселял не просто страх, а леденящий ужас. Часто под ободком его ногтей была кровь. Да, кровь животного, но легче от этого нам не становилось.

Во время короткой речи Матвея Тимофеевича я заметила, что за нами наблюдает другой житель нашей улицы, дядя Дёма. Звали его Курятников Демид Данилович, но мы всегда сокращали. Они одного возраста, и в молодости даже служили в одной воинской части. Курятников смотрел на Никогда с толикой восхищения и тоже сунул в рот папиросу, но не зажёл. Он не курил. Общего между ними не было и Матвей Тимофеевич, увидев бывшего сослуживца, даже не кивнул в знак приветствия. Демид Данилович опустил голову и пошёл восвояси. Курятни-

ков был местным фермером и выращивал больше кур, чем все остальные в селе. Именно он обеспечивал село птицей на новый год и на все остальные праздники. Курица была особым и дорогим деликатесом. У Демида Даниловича всегда было мясо, яйца и пара ведер картошки весной, когда все свою уже давно съели. Он отстроил большую стайку для кур, где они жили и зимой, в селе пернатые были всегда лишь летней забавой, но не для Дёмы. Мы со Светкой думали, всё дело в его фамилии, которая определила его путь в жизни.

Что ж, будучи прогнанными Матвеем Тимофеевичем мы со Шмелёвой решили сократить путь и пошли к забору. Перемахнув через него, я зацепила плащ гвоздём, который разрезал его практически пополам. Соединял две части только капюшон. Нам нравился дождь, и мы никогда не боялись промокнуть. Одним из наших увлечений было наблюдение за стихией с её или моего крыльца. Дождь, яркая молния и ветер, что сносил с бочек фанерные крышки, вызывали в нас неподдельный восторг. Мы выбегали из укрытия и зигзагом неслись за крышкой, чтобы молния нас не поразила.

Я пришла домой, а эмоции всё ещё переполняли меня и уснула я лишь под утро. Плащ я выбросила, он долго мне отслужил, пора его отпустить.

Эти воспоминания напомнили мне, как сильно я скучаю по Светке! Она никогда не ругалась, спокойная, степенная и всегда готова помочь. Никого не обижала неуместной шуткой и всегда была приветливая. Как модно сейчас говорить, совершенно нетоксичная. Я же полная её противоположность. До сих пор удивляюсь, почему она со мной дружила. Я всё время ревновала Светку к другим её подругам и хотела, чтобы она общалась только со мной. Однако, фундаментальное положительное качество у меня было - я всегда умела хранить чужие секреты. Парадокс, но у Светки не было тайн, который мне нужно было сохранить. Мне доверяли одноклассницы и девчонки с нашего двора, все знали я «могила». Так было не потому, что я уважала чужие секреты и человека, доверившегося мне. Нет, мне нравилась мысль, что я знаю то, что никто больше. Лишь я заглянула в эту дверь с чужими скелетами. Лишь я вижу тот уродливый лик за плотной вуалью добродетеля. Знание – сила, и я чувствовала себя невероятно важной. Секреты у детей были безобидными, но тогда мне казалось, будто я владею душой того, кто рассказал мне о своих интригах. Это была своего рода магия и она бы разрушилась, расскажи я секрет другому. Цепочка замыкалась на мне. Это была моя прелесть.

Света росла в полной и дружной семье. Она похожа на отца, высокого мужчину со светлыми волосами и серыми глазами, что он и передал дочери. У её мамы глаза были карие, что более доминантный ген, но у них все иначе. У Светы был старший брат, и он казался мне самым красивым мальчиком в мире. Жили они в соседнем доме. Я помню, когда приходила к ней пить чай, мы шли на кухню. Табуретки у стола всегда мягкие, на сиденьях лежали поролоновые накладки со съёмными чехлами. Садиться само удовольствие. Резная хрустальная ваза всегда пестрила карамельками. В моем доме конфеты задерживались не на долго, в то время как в семье Светы царила конфетная дисциплина, которой я восхищалась.

Мы со Светкой странно смотрелись со стороны: высокая блондинка и маленького роста брюнетка. Светка всегда собирала волосы в хвост туго затягивая белой резинкой в чёрный горошек. Кто-то из взрослых назвал нас «штепсель и тарапунька», но прозвища к нам не приклеивались. Как-то мы сидели в компании друзей и придумывали прозвища друг другу. Нам казалось это круто, иметь короткое и броское прозвище, кличку. Досталось нам одно на двоих: «пятнышки». Нам нравилось иметь одно прозвище, но оно тоже не прижилось. Это не важно, важно подтверждения того, что мы лучшие подруги с одной кличкой на двоих.

Прошло уже много лет с тех пор и она уже мать троих сыновей, а её брат отец одной несносной девочки. Но это сейчас, а тогда мы с ней шли по лесному массиву и готовили маскировку для слежки за мальчиками. Любопытство брало верх, ну а кому не хочется знать, чем занимаются мальчишки у костра на карьере? Карьер представлял собой место в углублении внизу по склону горы. Огромные каменные валуны вразнобой разбросаны по карьере. На них

можно сидеть, а рядом жечь костёр, что вечером освещал заброшенную каменоломню создавая эффект обитания древних народов. Мы были словно частью некой истории, которую изучают антропологи, глядя на наскальную живопись.

Девчонок с собой они не брали, значит мы шли сами, инкогнито. Натыкав веток друг другу в волосы, мы считали это не плохой конспирацией, но нас быстро рассекретили, ведь кусты не способны передвигаться. Хотя и двигались мы плавно, ветки предательски хрустели под ногами, но нам иногда удавалось оставаться незамеченными. Пусть и не в тот день. Тогда по телевизору шёл сериал «детективное Агентство лунный свет» и мы были одержимы идеями расследований и слежки. Скажете не девчачье занятие? Отнюдь, отвечу я! Женская природа в любопытстве, и мы знали обо всём, что творилось в селе, ну или нам так казалось. Взрослые же умели хранить секреты на отлично, но и у их тайн существовал срок годности.

Мы были такими смелые и отчаянные, это сейчас нам почти сорок, и мы боимся летать на самолете, а тогда мы ходили вдвоем в тайгу! Там по легенде бродил злой медведь с подбитым глазом, движимый мстью обидчику, лишившего его ока. Все люди для медведя на одно лицо, как говорили дворовые мальчишки. Намекали они на то, что все в опасности и медведь не ищет конкретного человека, а убьёт любого, кто попадётся. Одно время лес изобиловал зубастыми капканами, но мы со Светкой обезвредили их все при помощи валежника. Мы считали, что никто не заслуживает участи истечь кровью в лесу. Ни человек, ни медведь. Не единожды, прячась за буреломы, мы слышали нецензурную брань Матвея Тимофеевича, что вынимал из зубастых железяк останки стволов деревьев. «Вот оболтусы! Погнули аппарат! Поймаю уши оторву!», - бурчал себе под нос Никогда, безуспешно пытаясь выпрямить погнутый капкан.

Жажда приключений всегда была сильнее нас. Мы были и детективами, и одновременно кладоискателями. Однажды, мы решили закопать свой собственный клад. Собрав ценности, что скопили, мы объединили их и сложили в коробку, которую собирались надежно спрятать под землёй, подобно пиратам или тамплиерам, где бы они не прятали свои сокровища. Найдя хорошее место неподалеку от заброшенного сгоревшего Уаза, где я пряталась на Иван Купала, мы начали копать. Да, много что тогда случалось рядом с этим местом. Это и укрытие, и уютное место для душевных разговоров, а иногда, и чей-то туалет. Когда яма стала размером больше коробки мы поместили туда сокровища и закопали. Сверху прикрыли свежую землю металлическим листом, что валялся рядом. Мы начали уходить и внезапно поняли, что мальчишки тоже следят за нами. Громкий смешок одного из троих приятелей выдал их: Егор, Роман и Дмитрий. Мы отошли, сделав вид, что не услышали хохот. Троица негодяев начало варварски откапывать клад. Побежав к ним, мы застали их на месте преступления. Они бесцеремонно открыли жестяную коробку и начали вытряхивать содержимое. Они рылись в коробке своими грязными руками и для них ничего не значили те предметы, которые очень ценны для нас: наклейки с русалочкой, заколка из янтаря, что переливался на солнце, три цветные гелиевые ручки, брелок кролика с переливающейся внутри жидкостью, и конечно, целая коллекция разноцветных стёкол, которые были нами найдены на улице. Особенно ценным был осколок цвета индиго, наиболее редкий экземпляр.

Увидев, как игрушечного жёлтого цыплёнка Егор выбрасывает за забор, моё сердце разбилось, и я поняла, внешность обманчива.

- А ну прочь отсюда! – закричала Светка, не сдерживая слёзы. Они увидели нас и начали громко смеяться. Я ничего не смогла сказать, ком в горле от обид меня парализовал.

- Этот хлам в мусорку надо, а не закапывать. Ну или в костёр! – крикнул Роман, пиная коробку, что упала на землю. Дмитрий же был мальчиком с добрыми глазами, и мне казалось, он не хотел там находиться. Он просто хотел с кем-то дружить и этим кем-то оказались Роман и Егор. Димка не участвовал в варварском разграблении, а просто смотрел. Над левой бровью у него располагалась крупная родинка, которую он пытался скрывать чёлкой.

Мы прогнали их и начали собирать разбросанный клад. Игрушки, заколки и бижутерия, но это было самое ценное наше с ней имущество. Мы объявили мальчикам войну. Сначала нам хотелось проучить их, отомстить. Нам хотелось невозможного – чтобы они извинились и признали все свои ошибки. Курение на карьере было неплохой предмет для шантажа, но уже использованным. Родители их наказали, но наша цель на самом деле была иная, в чём мы не скоро признались сами себе. Мы хотели, чтобы мальчики нас признали и приняли в свою команду. Просто тогда мы ещё не осознавали этого. Так и случилось, но гораздо позже, а пока мы вели слежку и видели куда они прячут сигарету, которые мы ломали и оставляли как послание на видном месте. Мы были жестоки как никогда. Однажды, мы спрятали детали от их металлического конструктора, который они собирали на веранде у Романа. На собранном грузовике было всего пять из шести колёс. Мы наблюдали, как они ищут делать повсюду и как ссорятся из-за этого.

Через какое-то время мы вместе жарили ароматные кедровые шишки на карьере будто бы ничего и не было. Мы смеялись над их шутками, предметом которых, часто, выступали мы со Светкой. Мы не обижались, уже тогда мы умели посмеяться над собой.

Стройки занимали особое сердце в наших сердцах. Дома из бруса на три квартиры стояли заброшенными не один год. Крыша отсутствовала, стояли лишь стены, в частности межкомнатные. Вместо пола лишь лаги, что располагались рядами в метре друг от друга. Мы по ним прыгали весьма шустро. Внизу страшный котлован с мутной водой, и мы боялись упасть туда, в неизведанное. Мы не знали глубину и что за монстры там могут таиться в ожидании лишь одной ошибки - не верно рассчитанного прыжка. Иногда наше воображение рисовало конкретных монстров. Вечером, когда солнце садилось, из щелей на воду падали лучи солнца. Будто бы монстр открывал блестящие глаза и пристально с прищуром смотрел на нас, чтобы напасть, когда село погрузится в полную тьму. Его склизкие щупальцы схватят наши щиколотки и утащат в котлован. Мы успеем зацепиться за доски и будем из последних сил бороться за жизнь пока пальцы не побелеют, и мы не сорвемся обессиленные в бездну. Вода скроет нас, и никто никогда не найдёт двух девочек. Мы просто пропадём у всех под носом. Монстр был наподобие голема, и состоял весь из грязи. Как и любого монстра, этого не победить. По крайней мере, мы не знали как.

Дыры в щелях стен законопачены лоскутами ткани, которые мы доставали и использовали как ткань для шитья одежды куклам. Нам нравилось сидеть на рейках и обсуждать всё на свете. Уже вечерело и кровь заledenела в жилах, ведь монстр из грязной воды мог схватить нас в любое время, а особенно тёмным августовским вечером. Мы перебрались повыше: на оконную раму. Я достала очередной лоскут между брусьев и расправила его. Красота ткани невероятно впечатлила меня своей необыкновенной редкостью. Никогда до этого дня я и не представляла, что такая красота существует. Небесно-синий цвет с разбросанными мелкими мерцающими чёрными звездами, которые, казалось, издают пульсирующее свечение.

- Какая красота! - сказала Светка, тоже находясь под впечатлением.

- Я сошью из него накидку звездочёта! – сказала я и посмотрела на сумерки. Стемнело быстро и небо покрылось звёздами. Я вытянула руки и приложила лоскут к тёмному небу, будто недостающую часть мозаики.

- Осколок звёздного небосвода упал прям к нам в руки, - мечтательно сказала Светка и достала из кармана ранее найденный кусочек материала. В её руках переливался кусочек блестящей золотой ткани.

- Сделай такой подклад! У накидки будет две стороны: ночь и солнечный день, - выдала она гениальную идею, которую я безоговорочно поддержала. Я уже представляла как возьму иголку, вдену в ушко нитку и буду создавать шедевр.

Мы молча смотрели на звезды слушая природу. Кузнечики пели свои песни, напоминая мне азбуку Морзе. Лишь два звука, и они чередовались между собой. Точка, тире или тире

и точка. Как-то раз на столе отца я увидела нечто, похожее на печатную машинку. Бумаги в аппарате не было, но я с азартом приступила клацать по буквам. Агрегат стал выдавать странные скрипучие звуки. Потом пришёл отец и объяснил мне, что это за машина. Я проверяла его знания и печатала слова, отец, сидя спиной ко мне читал газету и безошибочно называл всё напечатанное мною. Тогда мне это казалось чертовщиной, как можно звуки собрать в слова?!

- Ты слышала? – спросила у меня Света и схватила за руку.

- Да, - испуганно ответила я, тоже слыша шаги человека. Природу невозможно спутать с передвижением людей.

- Егор? – крикнула она, глядя во тьму напротив недостроенного дома, - я знаю это ты! – добавила она, но никто не отозвался.

- Давай просто уйдем? – предложила я.

- Давай, но я боюсь прыгать по рейкам, боюсь упасть, - сказала Света, и я поняла, что мы в западне. Мне тоже страшно совершать прыжки, которые легко давались днём, но не в кромешной тьме.

- А давай просто прыгнем? – предложила я. Дом одноэтажный, но прыгать всё же высоко, из-за высокого фундамента. Внизу буйным цветом раскинулось поле крапивы.

Мы посмотрели друг на друга, взялись за руки и сиганули в окно. Приземлились мы мягко, но колюче. Благо мы были одеты в спортивные штаны, но руки были открыты. Мы быстро выбежали из кустов и побежали в сторону дома. Преодолевая небольшую гравийную гору из-под кроссовок вылетали мелкие камни, на которых мы поскальзывались стараясь ускориться, но предательски вязли. Наконец, стоя в начале улицы, мы перевели дыхание, ощущая себя в безопасности и вытряхивая сор из обуви.

— Шаги одного человека, а Егор бы не стал следить за нами в одиночку, - сказала я, оглядываясь назад, чтобы убедиться, что за нами никто не идёт.

— Вот блин! Мы оставили там скакалку! – сказала Света, говоря о нашей скакалке со жгутом зеленого цвета, одной красной ручкой, а другой фиолетовой. Мы сами сделали такую замену, чтобы всегда найти нашу скакалку, среди других, если мы были в компании девочек. Ещё мы сделали гвоздём гравировку. На красной стороне нацарапали С, а на фиолетовой А.

Дома я взяла увесистые ножницы с ручками болотного цвета и аккуратно убрала неровные края двух лоскутов. Подогнав их под размер друг друга я начала сшивать два кусочка. Стянув вшитый шнурок, прямоугольная вещь стала накидкой, которую я тотчас же накинула на плечи кукле. Я посадила нарядного звездочёта к окну и повернула голову к звездам. Уснула я быстро, глядя на звезды которыми была усеяна накидка.

На следующий день, мы со Светой бродили по лесу и собирали шишки. Их немного, в основном пустые, хотя выглядели как целые. Белки своими тонкими пальцами филигранно извлекали ядра, оставляя обманки для нас.

- Сейчас белка наблюдает и хохочет, от того, как она обвела нас вокруг пальца, - сказала я, швыряя пустую шишку.

- Вчера, когда я пришла домой, Егор сидел дома. Родители наказали его за курение, и он весь вечер провёл в комнате. Играв в мой тетрис, вот как то так, - серьёзно сказала Света и посмотрела на меня.

- Значит, мы обязаны выяснить, кто шпионил за нами! – сказала я, расценивая это как загадку, что должна быть раскрытой.

- Это может быть кто-то из друзей Егора. Ромка с Димкой. Ну один из них? – предположила Света.

- Дима сто процентов нет. Он добрый. Настя? Она вечно с недовольной рожей ходит поэтому и одна. Подруг с таким характером ей не найти. Она и подслушала наши разговоры! – настаивала я. Настя - моя одноклассница, которая была своего рода изгоем. Она любила на

перемене обчищать карманы одноклассников и однажды попалась. Именно это и подмочило её репутацию.

- Это может быть кто угодно, все под подозрением! Сказать точно мы не можем, – парировала подруга.

- Давай вернёмся за скакалкой, - предложила я и мы направились к заброшенной стройке. Обойдя каждый куст мы так и не нашли шнур. Мы долго не могли забыть эту утрату.

Позже мальчишки позвали нас на ответственное задание - плавить свинец. Наказание Егора закончилось. Я и Света шли на эту серьёзную миссию подобно алхимикам, что пытались любую материю превратить в золото. Нам дали плоские серые металлические предметы и сказали выбивать из ячеек породу, которая довольно легко поддавалась извлечению. Я начала бить предмет о камень, а Света аккуратно веткой стала очищать пластину электрода. Готовые изделия мы отдавали мальчикам, а они в свою очередь плавил решетки и расплавленный металл выливали в форму для выпечки орешек, которые потом заполняют вареной сгущенкой. Форма использовалась не по назначению. К слову сказать, эта выходка вышла боком тому, кто взял из дома форму. Роман втихую открыл скрипучую дверь духового шкафа, где у всех хранились сковородки, а у кого-то и формы для выпечки. Он достал круглую орешницу когда-то серебристого цвета, а сегодня потемневшую от времени и жженого масла, засунул под кофту и незаметно прошмыгнул в дверь. Скрип остался никем не замечен, даже бабушкой, которая несмотря на острый слух, любила днём вздремнуть, а спала она крепко. Настал день, когда мука лежала на столе, и мать Романа приступила замешивать тесто на всеми любимое печенье. Она открыла духовой шкаф и не нашла форму для изготовления скорлупы. Роман благополучно забыл орешницу на улице.

Мать наказала его на неделю, но согласилась сократить срок заточения на день, если он найдёт потерянный предмет. Он искал, но не преуспел. Роман сидел дома и наблюдал в окно, как все гуляют и веселятся. Но это позже, а пока, зажав один готовый тяжелый свинец в форме полусферы в своём кулаке, один из мальчиков сказал: «так бить будет больше». Тогда-то мы поняли, что стали невольными участниками планирующейся драки между дворами. Мальчишеские разборки нас не интересовали. Мы самоустраились и продолжили заниматься своими делами - убегали от голодных собак с хлебом, густо намазанным маслом или вареньем. Собаки никого не кусали и знали всех жителей улицы. Самым быстрым и крепким в стае выступал рыжий пёс Бобка. Сибирская лайка с хвостом крючком. Неслись мы во весь дух, глядя как земля под ногами движется. Тогда нас не на шутку натренировали собаки. Я помню Бобку ещё щенком, маленький пушистый комочек будто бы катился по улице как перекасти-поле.

Ещё нам нравилось сидеть на высоком дереве. Родителям мы не говорили, что лазали на высокое дерево, так как они считали это опасным и очищать одежду от смолы мамам тоже не нравилось. Мы же считали, что это такая ерунда на фоне тех эмоций которых мы получали. Это могучая большая сосна, и чтобы дотянуться до первой ветки, что служила стартом к остальным, мы ставили доску. По ней мы карабкались до первой ветки, и вот мы уже на вершине, за густо растущей хвоей, где нас никто не видит.

Мы смотрели вверх, как через зелёные иголки пробивались слепящие солнечные лучи. Однажды мы решились забраться до самого верха. Небо было синее и мы мечтали о том, как должно быть круто попрыгать по белым облакам, что парили над нами. Мы думали, что они мягкие, как перьевая подушка. Рассматривая облака, мы фантазировали о том, что мы видим. Огромный рожок мороженого, медведя с банкой мёда, птиц и бог знает что ещё. С вершины дерева открывался вид на лес и большое поле. Ветер колебал верхушку дерева, но мы не боялись упасть. Чувство страха совершенно отсутствовало. Мы знали наверняка, что не упадём, а если в него попадет молния, то мы свалимся на мягкую крону. Я всё ещё явственно вижу нашу округу с того дерева.

Демид Данилович часто бродил по полю. Мы смеялись, глядя как он собирает коровий помет в лопатку, а затем отправляет его в большое ведро для использования как удобрение при поливе огорода. Мы прозвали его жуком навозником. Нам он казался неприятным типом. Постоянно смахивал пот со лба тыльной стороной ладони, а его ветровка, в которой он ходил всё лето, по вечерам светилась из-за засаленных рукавов и воротника. Он слышал наш смех и оборачивался, но никого не видел. Плотная крона дерева помогала нам оставаться инкогнито.

Жизнь в селе была именно такой. Территория с огородом у всех, у кого-то куры, кролики и даже крупный рогатый скот. У Светки жили куры, и мы ходили рвать им траву, складывая в большой пакет. Однажды на распущенной во дворе у Светки саранки мы нашли необычного жёлтого паука. Наше внимание ему не понравилось и насекомое сделав прыжок оказалось на деревянном крыльце. Мы хотели спасти его. План был простой - накрыть банкой и отнести в лес. Ох уж это желание причинять добро. Не помню кто из нас в спешке накрыл его стеклянной банкой, но мы забыли снять крышку и раздавили несчастное насекомое. Покойся с миром цветочный паук мизумена. Мы переглянулись и на лице друг друга увидели панику. Света заплакала, я нет, но глаза были на мокром месте. Мы убили живое существо. В детстве невероятно тяжело принять этот факт. Мы стали насекомобийцами. Комаров мы убивали тоннами каждое лето, но это другое. Тем не менее этот чудовищный случай не сломал нас и мы не перестали помогать животным и насекомым. Однажды в теплотрассе мы нашли маленького крота и несли его чтобы показать родителям для уточнения, что с ним делать. Просто не трогать мы не рассматривали. Мы бережно несли его по очереди в ладошках и чувствовали, как он носиком ищет выход, тыкая в пространство между пальцев. Мой папа оказался ближе всех и мы подошли к нему. Он сказал, что это не крот. В руках мы держали, так называемую, землеройку. Отец попросил нас вернуть животное туда откуда мы его взяли. Отец ещё дал нам совет не трогать насекомых и животных считая, что они не нуждаются в нашей помощи. Мы так и поступили, но лишь по первому пункту, трогать представителей фауны мы не перестали. В спасательной операции «отнесите крота на место» никто не пострадал, как и в последующих. Жертва была одна – жёлтый паучок. Останки членистоногого были собраны огуречным листом и похоронили с почестями у меня в огороде в коробке из-под спичечного коробка с изображением большого здания с колоннами. Такие строения в нашем селе, естественно, не возводились и мы долго разглядывали этот коробок прежде, чем придать его земле.

Мы обожали кататься на Светкином велосипеде и старались делать это весело. Она сидела на седле и держала руки на руле, ноги же складывала на раму. Я сидела на багажнике и крутила педали. Мы смеялись и гордились своей смекалкой. Нам не хотелось быть как все. Мальчики же активно занимались внешним усовершенствованием своих великов и обильно вешали на колеса разноцветные катафоты, не забывая крутить у виска, видя, как мы проезжаем мимо. Когда Егор разрешал сестре кататься на его велосипеде наше счастье смело можно было назвать вселенским. Я каталась на её велике, а она на его. Мы вместе колесили по селу. От нашей улицы до котельной, а затем чуть в горку и к белому дому. Это старое и заброшенное недостроенное здание, полностью облицованное полтора сантиметровой квадратной плиткой белого цвета. Стихийное прозвище сразу приклеилось к зданию. В отличие от других заброшенных построек в этом достроены пол и крыша, и там можно спрятаться от дождя. Много там происходило. Кто-то учился там курить, кто-то устраивал разборки с неприятелем, а кто-то и целовался. Мы же со Светкой чаще находились вне этого здания, нас больше привлекал задний двор. Там росла невероятно крупная и сладкая малина. Ягоду мы поглощали с удовольствием, пусть и лесные клопы не редко портили послекусие.

Однажды, мы увидели заброшенный дом на окраине, в двадцати минут ходьбы от улицы Болотный янтарь, на которой мы жили. Мы видели его и раньше, но никогда не присматривались и не интересовались этим строением. Бобка тогда увязался за нами. Дом одиноко стоял на поле среди густого поля орляка. Без ограждения, которое стояло у всех, и ты мог увидеть на

территории дома велосипед, санки, лопату и прочие предметы, что делали дом жилым. Это же просто дом посреди поля, плавно перетекающего в лес. Строение будто пряталось в темноте, чтобы напасть. Ни один фонарь не освещал территорию. Там негде гулять, там не росла ягода и невозможно проехать на велосипеде. Поэтому мы никогда и не подходили к этому дому. Мы прозвали дом одиноким. Внутри горел тусклый свет. Не знаю почему именно в тот день, но нам захотелось узнать кто там живёт. Оставив велосипеды возле забора, мы направились к дому, чтобы разузнать, кто же там поселился. Вечерело. Двигались мы практически невесомо, стараясь не издавать ни звука, но у Бобки были свои планы. Пёс громко залаял, глядя в сторону дома. Мы остановились и пару секунд наблюдали за ситуацией, всё-таки в селе лай собак частое явление. Наши чаяния не оправлялись. На крыльце загорелся свет и мы, испугавшись, побежали к двухколесному транспорту. В процессе бега я обернулась назад, посмотреть не вышел ли кто и не преследует нас. Из дома показалась мужская фигура и проводила нас молчаливым взглядом.

Спустя неделю я ехала со школы в автобусе, и мужчина из того дома подсел ко мне рядом. «Знаешь же где я живу?», - прошептал он мне на ухо. Я замерла от страха и лишь кивнула. «Приходи вечером ко мне в гости», - добавил он. Я снова кивнула, находясь в оцепенении. Руки тряслись. Мне показалось это странным и очень жутким. Он и его жилище, словно дом злобной ведьмы из сказок братьев Гримм. От одной мысли у меня холодели ноги. Моя мысль уносила меня в глубины прочитанных ужасных историй, но его громко окликнула Грабкина Светлана: «Вадим Сергеевич, даме место не уступите?». Он подскочил и его места заняла предпринимательница. Я снова была в автобусе среди толпы, а не на страшной и пустой опушке рядом с домом, который будто бы готов сожрать меня. Я рассказала о диалоге с незнакомым мужчиной родителям, которые подробно расспрашивали где он живет, как он выглядит, на какой остановке сел, на какой сошёл. Выложив всё, что знала, я успокоилась. Мне тогда было десять лет. Сейчас я понимаю, что могла стать жертвой маньяка, но тогда я не знала в какой именно опасности нахожусь. Всё обошлось. С тех пор я ни разу не встречала того мужчину, и мы со Светой избегали дома, в котором он жил. Спустя год, дом снова казался заброшенным. Вероятно, ведомый своими извращенными инстинктами, мужчина выбрал другое село для проживания.

Мы сидели со Светой около её дома на причудливой бочке. Да, это была не стандартная обычная бочка, на которой можно восседать, только при закрытой крышке. Это совершенно другая бочка, она походила на вытянутою барокамеру с круглым горлышком наверху сбоку откуда и доставалась ведрами вода. Когда мы были младше нам нравилось залазить на неё с разбега. Сторона, которая соприкасалась с нашими животами, когда мы прыгали, была блестящая. Сверкание как у памятников, которым всё время трут нос или пожимают руку. Бочка стала для нас сакральной. Наше место сбора и место силы, но самое главное база для построения планов на день, а порой и на жизнь. Планов было громадье. От погони за желтыми ячeyками от киндера, которые мы весной пускали по ручьям, до сбора ягод летом или проверка банок с березовым соком. Лето наполнено особым шармом, никакой школы, только мы и наши приключения. Дружили мы ещё до школы и я помню, как она возвращалась с первого сентября с бантами, мне тоже не терпелось открыть мир знаний для себя, но ждать пришлось ещё год.

Летом мы убегали от жуков, которые пытались сесть на нас. Жуки были разные, среди них и огромные стригуны с длинными усами. Будучи взрослой, я пыталась описать это насекомое мужу, он сказал: «я понял, это волосогрызка!». Я долго смеялась над таким оригинальным названием. Впрочем, реальное название жука оказалось не менее потешным: жук-усач (дровосек). Так или иначе, в детстве мы боялись их больше остальных. Словно рогатый дьявол он издавал жуткий звук, когда подлетал, и всегда сзади! По-предательски со спины. Когда слышали рядом стрекот, то в панике начинали осматривать спины друг друга. На фразу «посмотри никого?», Света ответила в рифму: «на тебе никого, кроме платья твоего!». Тогда я засмеялась и сказала, что на мне юбка с футболкой. Она и тут нашла что ответить, показав, как невиди-

мой иголкой сшивает мне футболку с юбкой, делая наряд платьем. Конечно, чаще мы носили спортивные штаны, так сподручнее лазать по стройкам и по лесу, не опасаясь колючих кустов.

Светин папа работал на большом Камазе и иногда брал нас покататься, а когда парковал транспорт и шёл домой отдыхать, позволял нам сидеть в кабине. Её папа привёз много песка в песочницу и там мы властвовали подобно истинными архитекторами. Построив несколько особняков, мы приступили к строительству магазина, город разрастался. Ратуша, музей, администрация. Детскими руками мы шлепали по песку трамбуй стены и фундамент наших строений. При помощи дощечки мы делали ступеньки, продавливая песок. Мальчишки, заинтересовавшись городом решили присоединиться, и мы рассказали, что уже есть в городе, а что ещё в проекте. Жителями выступали игрушки из киндера, невероятно популярные в то время. Света полностью собрала коллекцию бегемотиков, а я пингвинов. Мальчик Рома, взяв бегемота в бейсболке и с фотоаппаратом, сказал, что идёт в магазин. Мы со Светой взяли по игрушке и сказали, что мы идём с ним. Нам было так весело, что мальчишки заинтересовались нашими играми. Стоя у прилавка в песчаном магазине, мы со Светой решили сильно потратиться, и на кассе сообщили о покупке сыра, твикса, газировки, колбасы, печенья, вафель и чая пиквик. Да реклама из девяностых оседала. Рома же был краток: «булку хлеба мне», сказал мальчик и засмеялся нашим запросам, в контрасте со своей скромностью. Его друзья тоже засмеялись, поддержав друга. Нам со Светой пришла в голову идея принести ещё игрушек, чтобы заинтересовать остальных мальчиков, которые пока наблюдали. Мы зашли к ней во двор и принялись выбирать самые, по-нашему мнению, лучшие игрушки. Там был и чёрный плащ, и все четыре черепахи ниндзя. Взяв в руки низ футболки, мы скидали туда все добро и вернулись к песочнице. Шок, предательство и вселенская несправедливость. Только эти слова подходили под наши чувства. Все наши строения варварски разрушены и затоптаны, а пингвины и бегемоты торчали из песка. Следы подошвы их кроссовок отпечатались на наших сердцах. Да, наше сердце снова разбито, а точнее растоптано. Мы корили себя, что снова поверили им. Что ж, справедливости ради скажу, что сейчас Роман отец двух дочерей и он не уходил за хлебом безвозвратно, оставив после себя лишь боль. Хотя его отец, так и поступил. В тот день пострадали только наши со Светой два детских сердца. Бог знает сколько мы потратили времени за обсуждением мальчишеской жестокости. Нам хотелось мести. Мы знали, как дороги для них картонные фишки с черепашками ниндзя. Да, да, не хотите играть с нашими, мы сыграем с вашими. Именно они через какое-то время плавали в лужах. Око за око.

Сидя на нашем любимом дереве, мы обсуждали, что никогда не будем больше играть с мальчишками.

- Эй, вы, спускайтесь получать тумак! – сказал голос снизу. Мы переглянулись и поняли, что не заметили, как дерево окружили мальчишки. Наша выходка с фишками им не понравилась.

Глядя в низ сквозь ветки я увидела Егора. Он стоял, положив худые руки на талию. Роман же взял палку и начал бить по стволу дерева, для устрашения. Дмитрий снова стал безмолвным наблюдателем.

- Отстаньте от нас, мы вам ответили тем же! Так что сейчас справедливость восстановлена, - крикнула Светка и швырнула шишку в брата. Попала она в плечо.

- Света, ты всё равно дома от меня получишь, не оттягивай неизбежное! – выкрикнул Егор угрозу, а затем ногой сбил доску, что помогала нам дотянуться до первой ветки.

- Мы переломали ноги и расскажем родителям, что это ваша вина, - решила я сыграть грязно.

- Ползти вы будете долго, чтобы наябедничать, - громко крикнул Роман.

Они сделали вид, что ушли. Блеф был очевиден. С дерева нам было видно, как они спрятались за заброшенный магазин, что располагался неподалёку. На сосне мы провели весь вечер, хотя спустя час видели, как мальчишки уходят, потеряв терпение. Мы достали ключи и наца-

рапали на коре смайлик. Как знак того, что перед лицом трудностей мы будем сильные, мы будем улыбаться. После ухода мальчишек через полчаса к дереву украдкой подошёл Дмитрий и подставил доску к стволу, которую ранее сбил Роман. Света крикнула ему: «спасибо», но он быстро убежал, желая, чтобы его доброе деяние осталось незамеченным.

Я пришла домой, налила на ладони подсолнечного масла, растёрла, а затем взяла мыло и смыла всё водой. Данная процедура отлично справилась со смолой, что плотно покрывала мои руки.

Погребальная культура так же не была нам чужда. Паук далеко не первый и не последний из погребённых. Находя мёртвых мышек и птичек мы хоронили их со всеми почестями. Гробом служили пластиковые коробки от паштета, прямоугольной формы, максимально походившие на саркофаги. Вырыв неглубокие могилы мы помещали туда гробы и закапывали землей. Крестом служили две палочки, скрепленные при помощи проволоки. Нарвав цветы, мы клали их на место упокоения усопшего. Утром же мы, к своему ужасу, обнаружили, что могилы варварски раскопаны собаками. Ничто не вечно и даже последний путь оказался весьма условным.

Улица Болотный янтарь была невероятно колоритным местом. По ней ежедневно ходил к своей лесопилке, что располагалась неподалёку, некто дядя Слава, более известный по прозвищу Тонио Лунатик. Тогда были популярны бразильские сериалы, что шли один за другим. В сериале это один из героев, умственно отсталый персонаж, занимается рыбной ловлей. Дядя Слава разговаривал сам с собой, но чаще его можно увидеть, опершись на калитку забора одного из соседей по улице. Он с заиканием рассказывал невероятные теории заговора, которые и не снились современным рентевешникам. На его шее висело радио, которое он постоянно слушал, ловя сигналы из космоса. Голоса из радио щедро делились с Тонио информацией касательно будущего земли. Желтая кнопка на приёмнике была самой опасной кнопкой в мире, ведь по легенде нажав её вся планета превратится в пепел. Женщины, что копались в огороде, охотно слушали чудного соседа, воспринимая за бесплатную увеселительную программу. Кто-то откровенно смеялся, кто-то подыгрывал, серьёзно кивая головой и даже задавая вопросы. Мы же со Светкой пытались незаметно дотянуться до жёлтой кнопки и доказать ему, что он не в себе. Хотели показать ему, что ничего не изменится с нажатием кнопки. Но он всегда оказывался быстрее и успевал закрыть приёмник ладонью. Жил он с родителями, пожилыми пенсионерами. Его отец владел лесопилкой, где и работал сын. Мать же его был нелюдима женщина, которая никогда не улыбалась. Баба Валя даже летом одевалась тепло. Я не знала тогда, что за ментальный недуг у дяди Славы. Я помнила его другим. Когда-то он ездил с рюкзаком на мотоцикле и ни с кем никогда не общался и даже не здоровался. Серьёзен и даже высокомерен. Поэтому метаморфоза в его настроении удивила всех. Для меня и Светки он был чудачком, которого мы желали разоблачить. Отец Тонио умер, когда мы уже учились в старших классах, а мама его ещё долгие годы пребывала в здравии.

Мы любили исследовать нашу улицу и окрестности. Тогда мы не понимали какая красота нас окружала и воспринимали это как должное. Лес манил нас своими тайнами и всегда был разным.

Однажды, у подножья небольшой скалы, за которой находился аэропорт, мы нашли красивый старинный мост, что соединял два берега ручья. По весне ручей становился в разы шире и полноводнее, настолько, что течением снесло доску, что служило импровизированным мостом. Нам ничего не оставалось, как идти вдоль ручья, в поисках узкого места, которое мы сможем пройти. Но находка превзошла все наши смелые ожидания. Мост прекрасно сделан и намертво прибит, явно пережив не один паводок. Перебежав на другой берег, мы вернулись и повторяли так множество раз. Летом мост стал ещё одним местом куда мы постоянно возвращались. На противоположном берегу лежал полуметровый валун, поросший мхом. Мы называли его Агафон и он был нашим гномом-стражем. Мы сидели, свесив ноги и смотрели на стремительную воду ручья, что неслась в поисках гораздо больших вод, подобно жителям маленьких

провинций, что вечно стремятся в большие города. Детство — это и есть один большой волшебный город, куда хочется вернуться, но обратного пути уже нет. Детство – кроличья нора, куда я упала, будучи тридцатидевятилетней женщиной.

Ещё я вспомнила о девочке, что жила неподалеку от нас. Родители и их дочь. Девочка, наша ровесница, страдала церебральным параличом и не могла ходить. Я помню, как громко она плакала, когда мы со Светкой собирались уходить, будучи гостями у неё дома. Звали её Алёна, девочка с кудрявыми пшеничными волосами и не по возрасту грустным взглядом. Некоторым людям невыносимо оставаться одним, такой была и она. Родители были не в счёт, ей хотелось, чтобы подруги остались.

2 Медузы вместо геля для волос

Я никогда не ношу с собой паспорт, но надо бы его найти, чтобы сесть в самолет. Я достала увесистую красную папку и высыпала всё содержимое на стол. Моё внимание привлек белый конверт, с логотипом компании, в которой я работала. Там лежал мой первый загранпаспорт. Документ я получила в десять лет в мае того самого девяносто седьмого года. Тогда я с группой других детей полетела в Болгарию. Утомительно длинная дорога, но тогда мне нравилось летать на самолетах, и я совершенно не чувствовала страха. Я предвкушала поездку, и мы со Светкой рассуждали какого это поехать в другую страну. Я уже летала к бабушке в Латвию, тогда ещё в составе союза.

На пустырь между нашей улицей и котельной, Камаз привёз заброшенный ларёк. Каркасный дом с выбитыми окнами и разрисованными синей краской стенами сразу привлёк наше внимание. Мы со Светкой тут же пошли исследовать объект. Зайдя внутрь мы поняли, что не одни. Те, кто проник раньше нас, старались не выдать себя, не издавая шорохов и не шевелясь, но стены были тонкие и мы слышали, как скрепят камни под их подошвой и даже слышали их дыхание.

- Кто тут? – крикнула я, но не решалась открыть дверь в соседнюю комнату. Дверь представляла собой ветхую деревянную конструкцию с глубокими вмятинами. В месте, где должна быть ручка зияло круглое отверстие. Там появился глаз, который увидел нас, а мы его. Мы со Светкой переглянулись и громко засмеялись.

- Чего ржёте, что тут забыли? Это наше место! – громко крикнул мальчик по имени Петя, жил он на соседней улице. Его друг - одноклассник, и я видела его раньше, но имя не знала.

- Когда это место стало вашим? Оно тут только со вчерашнего дня, - спросила я.

- Когда мы первыми сюда зашли! – крикнул друг Петра, а сам он в свою очередь осматривал мусор на полу. Повсюду валялись пустые стеклянные и жестяные банки, куски обоев и камни.

- Так, уйдите пока отсюда! – сказал Пётр и они с другом переглянулись.

- С чего это? – спросила Светка.

- В той комнате три блока шоколада, мы заберем две, вам оставим одну! Там баунти, сникерс и твикс! Но вы должны отойти, – сказал Пётр, показывая на дверь последней комнаты.

- Нам твикс, - сказала Светка, так как мы любили именно эти батончики.

- Так и быть, - нехотя сказал Пётр.

Мы со Светкой поверив им, отошли. Прождали мы минут пять, после чего они вышли, их лица просто светились лукавством.

- Идите! Мы решили всё вам оставить! – сказал Пётр и отошёл с другом к двери, что вела на улицу.

Дверь была полуоткрыта. Я вошла первой. Уже тогда тяга к сладкому сыграла со мной злую шутку. Почувствовав резкое жжение на макушке головы, я увидела, как от меня отскакивает стеклянная банка, а затем услышала, как тара ударилась о стену, отлетела и наконец упав на пол, покатилась Светки под кроссовки. Эти два мерзавца положили на дверь банку! Благо банка не большая и не пробила мне голову, однако шишка беспокоила ещё долго. Я каждый раз ощущала болезненный бугорок на голове, собирая волосы в высокий хвост.

Услышав мой истошный крик боли Пётр с другом громко засмеялись и убежали прочь.

- Вот гады! Ты в порядке? – спросила Света, с ужасом глядя то на мою голову, то на упавшую банку.

- Больно, но большее то, что никакого шоколада тут нет! - сдавленным голосом сказала я, глядя на совершенно пустую комнату. Там валялись сигаретные бычки и пепел, но ни намека на сладости.

Воображение о шоколаде уже разыгралось, и мы пошли в магазин за реальным твиксом.

- Ты уже собрала чемодан? Тебе скоро лететь, - спросила Светка, дожидая шоколадку. Мы шли вдоль улицы, на которой жили. Дорога, посыпанная галькой, тянулась неровной линией вдоль домов. Начиналась улица «Болотный янтарь» с бескрайнего леса, а заканчивалась кладбищем. Что весьма символично. В детстве я думала, лес — это бесконечность возможностей в этой жизни, за пределами села. Конечно, не хвойный лес в прямом смысле, а скорее джунгли. Каменные джунгли. Если же ты остался тут, то путь закончится на погосте. Каждый раз, когда медленно проезжал грузовик с покойником, водитель жал на клаксон и держал несколько секунд. Родственники сбрасывали с машины на землю еловые ветки. Ни в коем случае на них нельзя наступать. По поверью, если наступишь, то сам скоро умрёшь, или будешь навечно проклят. Точно уже не вспомню.

- Ещё нет. Да и собирать то нечего особо. Шорты, кроссовки, - грустно сказала я. Мне стало жаль, что Света не сможет поехать со мной.

- Голова не болит? — спросила она, аккуратно дотрагиваясь до шишки.

- Болит, но больше болит сердце. Нас снова обманули, - с досадой сказала я, сжав кулаки.

Тот день выдался грустным, а ночь бессонная. Утренний рейс, сложная дорога со множеством пересадок с одного самолета в другой. Однако, тогда я и не чувствовала усталость. Приключение начиналось уже в самолете и у меня открывалось второе и даже третье дыхание.

Наконец, мы прибыли в аэропорт города София и направились на паспортный контроль. Нашей провожатой была рыжеволосая женщина — Елена Васильевна. Она сильно напоминала маму дяди Фёдора из мультика. Помимо чужих для неё детей, она взяла двух своих дочерей. С младшей я подружилась, и мы весь отдых проводили вместе, загорали и ели мороженое, а пока мы уже два часа сидели в аэропорту в полном неведении.

Одна из девочек по имени Ася была старше нас всех, и именно она подошла к провожатой узнать в чём дело. Девочка вечно напевала себе мелодии под нос, что мы расценивали как странность.

- Елена Васильевна, когда мы поедem уже на курорт? Надоело в аэропорту торчать, — спросила она, поправляя свои длинные волосы.

- Не знаю, говорят что-то не так с нашими паспортами. Подождём ещё, — сказала она, не боясь демонстрировать детям неясность ситуации.

Просидели мы тогда в аэропорту часов пять, после чего наконец-то все контроли были пройдены и наша большая компания направилась к автобусу.

Нас разместили в одноэтажные деревянные домики по двое. Жила я с девочкой по имени Маша, но видела я её раза три. Мария казалась такой загадочно неуловимой и брала от отдыха всё. Ещё она была очень красивая. Длинноногая девочка с волнистыми русыми волосами ниже пояса и родинкой в уголке рта, как у фотомодели из девяностых. Характер у неё довольно бойкий. Однажды, в селе я пошла к отцу на работу, но на территорию аэропорта попасть не просто. Нужно миновать проходную, сказав охраннику к кому идёшь. В случае с ребенком, коим я тогда являлась. У сотрудников были пропуска. Я когда увидела проходную, и человека, который там сидел, мне стало не по себе. Общаться с незнакомыми людьми я не любила, а тот сотрудник был мрачным и казался мне злым. И просто ушла домой. Вечером отец спросил, почему я не пришла. Я ответила, что не захотела общаться с человеком на проходной. Он удивлённо посмотрел на меня и сказал фразу, которая ранила мою детскую душу. «Ну и не разговаривала бы, Машка вчера к отцу приходила, так она через забор сиганула!». Я поняла, что я не Машка. Я хуже Машки и моё решение вопроса потерпело фиаско, в то время как

миссия Марии была успешна, ведь она зашла и сидела в интернете. Техника с доступом во всемирную паутину одно время была только в аэропорту.

Так вот, первый раз из трёх я увидела Марию, когда она забежала в домик и достала купальный костюм. Так же пулей выбежала. Второй раз, она стояла в очереди за мороженым. Третий - самый эпичный. Мы с Леной купили шоколадное драже, упакованное в маленькие бумажные цилиндры. Пластиковая крышка закрывающая корпус с обеих сторон, на упаковке Лены, предательски открылась и конфеты попадали на асфальт. Мы принялись собирать их обратно. Мимо проходила Мария, и мы попросили её о помощи, чтобы микробы не успели заползти на сладости. Мы принялись собирать драже, но я увидела, как Мария поднимает с пола глазированные шарики и спешно кладёт себе в рот, а не обратно в упаковку. Она всегда брала от жизни всё. Мои мысли звучали примерно так: «и эту воришку отец мне ставил в пример?!».

- Лена! Она их ест! – крикнула я, желая изобличить непростительный поступок.

Мария поняла, что поймана с поличным. Она взяла с асфальта драже, подбросила его и пнула ботинком. Затем со смехом убежала в сторону пляжа.

Мы были потрясены, но не сломлены. Больше Марию я не видела. Ночевала она у девочек из соседнего домика, с которыми и сдружилась. Но вернёмся к началу.

В первый же день мы с Леной пошли за мороженым. За два лева, так называлась денежная единица Болгарии, мы купили два больших стеклянных стакана с десертом. Сверху много сладкой посыпки в виде шариков и мелкой разноцветной вермишели, а венчало это сладкое безумие воткнутый бумажный зонтик. Телефонов тогда не было, чтобы заснять этот момент, но это мороженное запомнилось мне на всю жизнь, я даже помню его вкус. Фотоаппаратную пленку мы тратили только на особые кадры. Зонтики же мы коллекционировали, бережно складывая в чемодан. Я сортировала их по цветам, те, которые понравились бы Свете, я клала отдельно.

Елена росла проказницей, а я с охотой поддерживала её идеи. На курорте объявлен конкурс: «Мисс Космос». Старшая сестра Елены, Юлия, решила участвовать. Мы слышали, как девчонки говорят о гелях и лаках для волос, чтобы сделать высокую космическую причёску Юлии. Нам ничего умнее в голову не пришло, как вытряхнуть в унитаз гель и заполнить пустую тару прозрачными медузами из моря. Мы были уверены, подмену никто не заметит, так как по консистенции нам казалась подмена идентичной. Мы взяли пакет и пошли на пляж. Собирали мы исключительно мёртвых беспозвоночных, вынесенных на берег волной. Мы тщательно промывали тушки медуз от песка и побросали в пакет. Несчастные прозрачные студенистые тела аккуратно расфасованы в две банки и плотно закручены крышками. Вечером все собрались у пляжного домика, в котором жила Елена с матерью и сестрой. Юлия достала из шкафа три платья, на одном, из которых планировала остановиться. Подготовка к конкурсу шла полным ходом, девчонки галдели, шумели, всё было завалено косметикой. Мы с Леной ожидали, когда начнут делать причёску, после чего планировали спешно ретироваться. Девочка по имени Катя, взяла банку с гелем и открыла крышку. Неуверенным движением она поднесла гель к носу и сморщилась.

- Девчонки, а гель для волос может испортиться? Загустел и кусками какими-то что-ли сделался, да и пахнет странно, – спросила она, протягивая им банку, чтобы они тоже почувствовали запах.

- Наверное, тут жара такая, - разочарованно сказала Юлия, сморщив лицо от неприятного амбре, - слава богу, у нас две банки, - с облегчением сказала девочка, протягивая вторую банку, а первую бросая в мусорный бак.

- Он тоже испортился, - испуганно сказала Катя, на чьи плечи выпала доля быть парикмахером.

- Геля у нас больше нет, а причёска должна стоять! Ладно намазывай этот, потом лаком сверху забрызгаем, запах не должен сильно чувствоваться, - разочарованно сказала Юлия надув губы, но желание участвовать в конкурсе сильнее неприятного запаха. Чем-то нужно жертвовать. Екатерина запустила руку в банку и зачерпнула содержимое, шлёпнула на голову экскурсантке.

- Он то ли высох, то ли что, не пойму! Дело уже не столько в запахе. Надавливаю, чтобы размазать, но это словно вода. И не держит форму, - не на шутку нервничая сказала Катя, с силой вдавливая медузы в волосы.

- Да что за херня! Ладно, давай сразу лаком тогда. Если развалится причёска не страшно, надеюсь я уже к тому времени займу первое место! – сказала Юлия, глядя на часы.

- Тогда сделаем не одну сферу, как хотели, а много мелких, - сказала Катя, показывая жестами планируемую причёску.

- Хорошо, давай, - грустно сказала Юлия и посмотрела на меня и свою сестру. Мне стало так жаль её в тот момент, а сейчас итога больше. Большие карие глаза заблестели от проступающих слёз. Девочка хотела быть красивой и выиграть конкурс, а мы две мелких пакостницы попытались всё испортить.

- Ладно, увидимся на дискотеке после конкурса, - сказала Лена, понимая, что смысла нам там находиться уже нет.

Юлия не заняла первое место, однако, приз зрительских симпатий присудили ей. Я, всегда звонкая и громкая, а в тот раз я кричала как никогда. Я пыталась исправить содеянное и когда ведущий произнёс: «а сейчас выясним кто победитель по мнению нашей толпы!». Это мой шанс. Лена тоже кричала, суть была просто испортить причёску и посмотреть на цирк, а не лишить Юлию победы.

После конкурса и дискотеки, которая закончилась слишком рано, все дети, что прилетели из нашего села, решили объединиться и отметить победу землячки прогулкой по ночному берегу черного моря. Приз зрительских симпатий мы считали победой. Растущая Луна освещала море, создавая сказочные блики. Мы с Леной шли медленнее остальных, чтобы обсудить нашу шалость и спланировать новую.

- Видите ту лодку? – прошептал сзади голос мальчика Жени, он старше нас лет на пять и слыл шутником, но сейчас его голос звучал с тревогой.

- Чего плетешься за нами? Догоняй своих, - сказала ему Лена, указывая на компанию, что уже сильно опережала нас. Она испугалась, что он подслушивает и вообще шпион.

- Не кричите, стойте! – сказал он и мы остановились, нам стало любопытно.

- Видите ту лодку? – повторил он и снова показал на когда-то рыбацкую лодку, сейчас же полуразвалившийся кусок дерева.

- Видим, конечно, - ответила я. Лодка лежала на боку и к нам повёрнута дном, а палубой к морю.

- Я заглянул в неё, а там сидит русалка и доедает человека, - сказал он, и глаза его округлились. Сказанное казалось настолько жутким и нелепым одновременно, что мы остановились.

- Не правда, – с надеждой в голосе сказала Лена, пятясь назад, подальше от лодки.

Я прислонила указательный палец к губам и медленно пошла к лодке. Перемещалась я плавно, стараясь не потревожить русалку. Угол обзора минимальный, но я заметила шевеления внутри лодки. Сердце бешено застучало от страха. Я не знала, что именно я видела, но там точно кто-то был, а значит история Жени, хоть частично, но правдива. Я стала пятиться назад, держа лодку в поле своего зрения, чтобы русалка не напала на меня со спины. В эту минуту мне в лицо прилетело нечто склизкое. Я истошно завизжала. От моего визга Лена тоже громко закричал, испугавшись. Из лодки показалось два силуэта и мы побежали наутек. Нам по голове, затылку и ногам прилетали водяные и холодные мешочки, пока мы бежали. Женя же закатывался гомерическим хохотом. Мы поняли, что в лодке спрятались Юля и Катя, с гото-

вым планом мести. Они закидывали нас медузами пока мы бежали. Лена наступила на одну что пролетела мимо и плашмя упала лицом в небольшую песчаную дюну. Она что-то попыталась сказать, но её рот был полон песка, который она начала с брезгливостью выплевывать. Я услышала, как она всхлипывает, а затем начинает рыдать. Тогда мы поняли - содеянное имеет последствия. Как они прознали, что шалость с гелем именно наших рук дело, мы не выяснили, но устроили мозговой штурм, где все факты упирались в подслушивание. Лена всегда говорила громко, особенно, когда мы вышли из домика после проделки.

Мы пересмотрели наш план отдыха и исключили из него козни.

Вот есть курортный роман, а есть курортная дружба. Когда мы вернулись в село наша дружба с Еленой исчезла. Испарилась, будто бы и не было никогда. Мы не ругались, просто потребность в общении отпала. У нас уже был устоявшийся круг друзей, из которого нас выдернули, но мы на время просто объединились.

Сейчас для меня открылась тайна почти тридцатилетней давности. Я держу в руках документ, который сама не открывала ни разу. Причиной заминки на паспортном контроле и правда были наши документы, а именно загранпаспорта. В село, видимо, не привезли новые образцы и нам в девяносто седьмом году выдали паспорта старого образца, а именно времен СССР. Спустя шесть лет после развала. Что ж, в селе время течёт медленнее. Удивительно, что нас пустили, видимо по старой дружбе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.